

Н О В Ы Е И М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXI

№ 5

Май, 1955 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ — В сорок пятом, в мае... В новой Германии, стихи	3
ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН — Вперёдсмотрящий, поэма	5
КОНСТАНТИН СИМОНОВ — Бессмертный гарнизон, киносценарий	26
НИКОЛАЙ ДУБОВ — Сирота, повесть. Продолжение	67
КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ — Беспокойная юность, повесть. Продолжение	96
Н. МЕЛЬНИКОВ — Клава, рассказ	135
ИНОСТРАННАЯ НОВЕЛЛА	
КАЗИМЕЖ БРАНДЫС (Польша) — Господин с палкой. Перевод с польского Валериана Арцимовича	139
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ	
Академик И. АРТОБОЛЕВСКИЙ — Пути новых исканий	146
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (1755—1955)	153
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
Д. МЕЛЬНИКОВ, Л. ЧЕРНАЯ — За кулисами войны (К истории одного вероломства)	165
ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ	
<i>По страницам иностранных литературных журналов</i>	179
Р. Фиш. Хватит ли оптимизма? — А. Дирингерова. Первая трибуна. — К. Наумов. Де Фокса и другие... — Б. Розанов. Великие традиции. — И. Бернштейн. Народ не забывает. — В. Стеженский. Приговор бессилия. — Л. Остапов. На распутье. — И. Литвакова. Познавать новое! — Н. Разговоров. Вопросы Груссару.	
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
П. ВИКТОРОВ. — Новые главы «Поднятой целины»	211
И. ЛЕЖНЕВ. — Краткость — сестра таланта	218
ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ	
Борис Лавренёв. По поводу пьесы «Сильнее любви». — Н. Грибачёв. По поводу цикла стихов «Земля и небо».	231

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

Интересный критический очерк

Критик Соболев в одной из своих книг высказал верное замечание о том, что фальсификация творчества А. П. Чехова обычно шла в двух направлениях. Были изготовлены две иконы с изображением писателя. На одной Чехов изображался пессимистом, поэтом «лишних людей» и хмурой русской жизни. На другой он выглядел пободрее, был представлен поэтом сладкой мечты о жизни, которая станет невообразимо прекрасной через 200, 300, а то и через все 500 лет. Чехова наделяли оптимизмом, но таким, который едва ли лучше самого мрачного пессимизма...

З. С. Паперный. «А. П. Чехов». Гослитиздат, 1954.

За последние годы наши литературоведы многое сделали для того, чтобы рассеять этот псевдоучёный туман и выяснить подлинный смысл произведений великого писателя. Книга З. Паперного «А. П. Чехов» с успехом продолжает эту работу.

Автор её показывает нам Чехова как гениального писателя-патриота, человека огромной нравственной силы, стремящегося найти разрешение коренным вопросам своего времени. «Мировая скорбь» и «пессимизм» Чехова на самом деле были протестом против язв помещичье-капиталистического строя. А чеховский оптимизм, якобы «беспочвенный» и абстрактный, опирался на

твёрдую веру писателя в русский народ, демократическую Россию.

Одна из заслуг З. Паперного заключается в том, что он постоянно заставляет ощущать присутствие в творчестве А. П. Чехова положительного идеала, его сокровенную думу, выразившуюся однажды в известном возгласе: «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!»

«Красота обыкновенного человека» — так называется одна из лучших глав книги, в которой разбираются «Попрыгунья» и «Чёрный монах». Нам памятно, как «попрыгунья», Ольга Ивановна, всю жизнь стремившаяся к эффектному и выдающемуся, проглядела настоящего «великого человека», каким был её муж — учёный Дымов. Ошибка Ольги Ивановны, как правильно подчёркивает критик, не только в том, что она считала великим человеком одного — художника Рябовского, а им оказался другой — её собственный муж. Чехов разоблачает само её стремление «найти человека, стоящего «над» людьми, её барское пренебрежение к простым людям».

З. Паперный умело, конкретно, со знанием дела анализирует чеховские произведения. В анализе «Степи», «Дома с мезонином», «Припадка» он сумел «вжиться» в идейное содержание произведений и потому сделал свой анализ доступным для других. Автор помогает нам тем самым понять, какое богатство содержания скрывается подчас в небольших чеховских вещах. «Маленькая трилогия» — так очень точно называет З. Паперный связанные идейно рассказы: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» — эта «трилогия» занимает всего лишь лист-полтора.

В книге нет специального раздела о художественных особенностях произведений А. П. Чехова — о языке, композиции, пейзаже и т. д. Тем не менее внимание З. Паперного постоянно приковано к этим проблемам. Разбирая произведения в единстве их идейных и художественных особенностей, он помогает нам лучше понять чеховскую поэтику с её «художественным целомудрием, немногословием», «тонкими, но уловимыми намёками, мельчайшими, но глубоко оправданными деталями». Для писателя наблюдения З. Паперного над художественной формой будут представлять интерес и потому, что автор чужд догматизма и не пытается объявить чеховскую манеру письма единственно возможной. А. П. Чехов

избегал, например, открытых лирических и публицистических отступлений, и в его поэтике это было внутренне оправданным; но в творчестве другого писателя эти отступления могут быть полезны и даже необходимы. Советская литература, совмещающая в рамках социалистического реализма множество индивидуальных манер, почерков, приёмов, усваивает всё ценное из наследия прошлого.

Но всё ли удачно в рецензируемой книге?

Прежде всего — о построении работы, о подборе материала для исследования. З. Паперный вправе, конечно, не рассматривать все произведения Чехова. «Задача этого очерка, — читаем в предисловии, — отметить главные моменты творческого развития Чехова, отображающие движение русской жизни от победоносцевской реакции к нарастанию революционной бури». Но именно с этой точки зрения в книге есть существенные пробелы. Так, разбор «Скучной истории» свёлся лишь к выписке одной цитаты, в то время как без подробного анализа этого узлового произведения в творчестве А. П. Чехова нельзя понять эволюцию писателя. В «Скучной истории» ярко отразились поиски художником цельного мировоззрения, нарастание темы протеста. Слишком мало внимания уделено также драматургии Чехова.

Хотелось бы, чтобы в книге была большая ясность основных теоретических понятий, из которых исходит автор. Как другие критики при художественном анализе злоупотребляют «пафосом», «интонацией» и т. д., так Паперный злоупотребляет словом «деталь». «Детали» пестрят в книге везде, где заходит речь о художественных особенностях, прикрывая, в сущности, такие различные понятия, как средства языка, элементы характеристики, композиции, сюжета, портрета и многое другое, что требует ясного названия.

Есть в книге и неточности. В повести «В овраге» старик Цыбукин просит Аксинью выбросить фальшивые деньги в колодец, а та раздаёт их косарям. Аксинья «жалко выбрасывает», поясняет З. Паперный, — хоть и фальшивые, а всё же деньги!» Но мысль Чехова гораздо глубже. Аксинья, замыслившая прибрать в руки всю собственность Цыбукина, нарочно раздаёт фальшивые деньги, чтобы побыстрее разоблачили Анисима. С невиданной же-

стокостью и хитростью добивается она устранения своих соперников. Дело здесь не в простой жадности.

Специально надо остановиться на языке рецензируемой книги. Ощутимо стремление её автора к известной образности, яркости языка.

Приведём такой пример. Как-то в письме к Григоровичу Чехов высказал критические замечания о его рассказе «Сон Карелина». Чехов сравнил характеристики лиц в этом рассказе с «объяснительными надписями, которые в садах прибывают к деревьям учёными садовниками и портят пейзажи». Это сравнение помогает З. Паперному нарисовать выразительную картину метода самого Чехова: «Открывая книги Чехова, читатель... подобен человеку, входящему в сад, где нет никаких объяснений, вывесок, указок, где надо вглядываться, вслушиваться, вдыхать запах и решать самому. При этом автор вовсе не играет роли безучастного хозяина, который пустил гостей в сад и затем предоставил их самим себе. Нет, хоть и не видно надписей на деревьях, но так чудесно разбит этот сад, так рассажены деревья, что чуткий читатель никогда здесь не заблудится».

Читая эти строки, убеждаешься в том, как полезно критику и литературоведу прибегать к образной речи, к метафорам, гиперболом и многим другим художественным средствам. Палитра критика — не только писателя — должна быть богатой!

Но вместе с тем хочется предостеречь З. Паперного против другой опасности — деланности и красоты языка. Где-где, а в книге о Чехове эти пороки недопустимы вовсе. Автор же местами явно злоупотребляет пышными выражениями. Без чувства меры нагнетает он иногда такие слова, как

«любовь», «дружба», «счастье», «красота», так что к ним привыкаешь и перестаёшь ощущать вложенный в них смысл. А имея в виду известную реплику чиновника из «Дамы с собачкой» («осетрина-то с душком!»), З. Паперный пишет: «два человека, за которыми встали два мира... мир дамы с собачкой и мир осетрины с душком», — и не замечает комичности фразы.

В книге З. Паперного чувствуется стремление преодолеть тяжеловесность стиля, которая свойственна многим литературоведческим работам. Автор стремится выработать такой «слог», который отвечал бы задачам научного исследования и вместе с тем был прост и понятен, согрет живым восприятием литературы. Но, отталкиваясь от «научообразности», не должно впадать в выпренность, красоту, приводящую к тем злополучным штампам, которые Антон Павлович советовал объезжать, как глубокие ямы...

Критический очерк З. Паперного — удачная и поучительная работа.

Как и первая его книга — «О мастерстве Маяковского», она привлекает широтой взгляда, остроумием наблюдений, добросовестностью выводов.

З. Паперный говорит: Чехов «писал, что хочет быть так же нужен для людей, посвятивших себя изучению жизни, как для астронома звезда... Сбылась мечта Чехова. Необъятен небосклон русской литературы, и яркие звёзды горят на нём, но никогда не затеряется, не спрячется от нас эта добрая, лучистая звезда».

Прочитав эти строки, которыми заканчивается книга, читатель почувствует, что любимый писатель стал ему ещё ближе, понятнее. Быть может, это и будет лучшей наградой для критика.

Ю. МАНН.

★